Борис и Глеб

Со восточного держания,
Во славесном Киеве граде,
А жил себе Володимир князь.
Имел себе да трех сынов,
А трех сынов возлюбленных:
Старейший брат, а больший князь,
А меньшие Борис и Глеб.
Живши-бывши Володимир князь,
Стал своих чадов бласловляти,
Удельными градами наделяти.
Доставался Чернигов град
Старейшему брату Святопóлкию,
А двум братам Борису и Глебу
Славесный Киев град.
Живши-бывши Владимир князь,
Во доме своем переставился.
Чада его возлюбленны
Со славой его света погребали,
Погребали, похороняли.
Разъезжалися в разныя страны:
Старейший брат в Чернигов град,
А меньшие браты, два брата Борис и Глеб
Во славесный Киев град.
Живши-бывши старейший брат,
Живши-бывши а больший князь,
В уме своем разуме смешался.
Он пишет князь злописание
Двум братам Борису и Глебу:
«А меньшие вы мои братие,
Святые князья вы благоверные,
Два брата Бориса и Глеба!
Прошу я вас на пир к себе,
Почéстный вам пир пировати,
Отца в моем доме поминати».
Послы его прихождали,

Посыльный лист приношали
Двум братам Борису и Глебу.
Два брата Бориса и Глеба
Посыльный лист принимали,
Перед матушкой прочитали;
Начали плакати-рыдати,
А жалобным гласом причитати.
Им матушка говорила:
«Чада мои возлюбле́нны,
Святые князья благоверные,
Два брата Борисе и Глебе!
Не ездите к большому брату в гости,
К старейшему брату Святополкию:
А больший князь ненавистный злой,
Не на пир он вас зовет пировати,
Не отца в своём доме поминати,
Он хочет, злой, затребити,
Всею Росеей завладати,
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами».
Они матушки не слушались,
Садились на добрых ко́нев,
Поехали к большому брату в гости.
А больший князь, ненавистный злой,
Не в доме он братиев встречает,
Встречает далече во чистом поле,
Свирепо на братьев взирает,
Он зрит на них яко разбойник.
Два брата Бориса и Глеба,
Видют они напасть свою,
Слезали со добрых ко́нев,
Упали большому брату в ноги,
Старейшему брату Святополку,
Борис упал в правую ногу,
А Глеб упал во левую;
Начали плакати-рыдати,
А жалобным гласом причитати:
«Любимый наш старейший брат,
Старейший брат, а больший князь!

Не срежь наши главы незрелыя,
Не пролей ты крови християнской понапрасно,
Возьми ты нас к себе в рабы,
Работай ты нами, как рабами!»
А больший князь, ненавистный-злой,
Ни на что, злодей, он не взирает,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное причитанье:
Борису взял — копье вружи́л,
А Глеба взял — ножом зарезал:
А те тела, Борисово,
Борисово и Глебово,
Повелел в темны́ леса затащи́ти,
На разны колоды разложите.
Садился злой на добрый конь.
Он ездит, сам похвалялся:
«Теперича вся наша Росея
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами!»
Господь хвалы не слушает:
Сослал Господь да двух ангелов,
Со копием со питритом;
Повелел Господь землю подреза́ти,
Подрезати и потрясати;
Земля с кровию смешалася,
Как в синием море волны.
А те мощи, Борисовы,
Борисовы и Глебовы,
Лежали они ровно тридцать лет:
Ни зверь их, ни птица не тронула,
Ни солночное восхождение,
Ни мрачное попечение.
Явилося явление
От земли есть и до не́ба,
Явился столб белый каменный;
К тому столбу белу каменну
Сходилися-съезжалися
Цари, и славны патриархи,
И все православные християне:

Служили молебны почестны
Тем телам, Борису и Глебу.
Поем славу Борисову,
Борисову и Глебову,
Вовек их слава не минуется
И вовеки, аминь.

Калики перехожие / Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 3.